

УДК 159.9:316.6
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-362-373>
EDN: SSCPHC

Поступила: 05.01.2024
Принята: 10.08.2024
Опубликована: 03.10.2024

«Я-ОБРАЗ» СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Горбатова Марианна Михайловна, Билан Марина Анатольевна,
Ермолаева Елена Николаевна*

Кемеровский государственный университет (Кемерово)

Представлены результаты исследования самопрезентации современной студенческой молодежи в пространстве виртуальной коммуникации. «Я-образ» студенческой молодежи изучался посредством следующих методов: анкетный опрос; опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК); тест «Двадцать самоутверждений самоотношения “Кто Я?”» М. Куна и Т. Макпартленда; контент-анализ личных страниц респондентов в социальных сетях. Исследование показало, что современная студенческая молодежь в 100 % случаев использует социальные сети для целей виртуального общения, получения новостной информации, творческой самореализации, развлечения, проводя онлайн в среднем 2–3 часа в сутки. При этом более половины респондентов заявили о способности реализовать свой личностный потенциал без помощи виртуального пространства, указывая, что влияние социальных сетей на их реальную жизнь и поведение минимально. По показателю общей интернальности наблюдается преобладание респондентов с интернальным локусом контроля. Контент-анализ личных страниц респондентов в социальных сетях базировался на исследовании таких смысловых единиц изучаемого содержания, как информация о себе, нецензурная лексика, стиль письма, никнейм и аватар, конфликты и проявления агрессии, дополнительные аккаунты, подписки, посты, личные записи. По результатам анализа саморепрезентации молодежи выявлены следующие смысловые блоки высказываний, актуализирующие значимые фокусы самопредставлений участников эксперимента: «социальное Я», «деятельное Я», «перспективное Я», «рефлексивное Я», «коммуникативное Я», «физическое Я», «материальное Я», «виртуальное Я» с доминированием категории «рефлексивное Я». Виртуальное пространство сегодня — это среда образовательной, профессиональной, коммуникативной деятельности, в которую активно интегрирована современная студенческая молодежь, демонстрируя многофакторный «Я-образ». Учет его природы и составляющих предопределяет успешность виртуального взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса.

Ключевые слова: «Я-образ», виртуальная идентичность, Интернет-пространство, виртуальная коммуникация, студенческая молодежь.

Для цитирования:

Горбатова М.М., Билан М.А., Ермолаева Е.Н. «Я-образ» современной студенческой молодежи в пространстве виртуальной коммуникации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 362–373. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-362-373>. EDN: SSCPHC

«SELF-IMAGE» OF MODERN STUDENTS IN VIRTUAL COMMUNICATION

Marianna M. Gorbatova, Marina A. Bilan, Elena N. Ermolaeva

Kemerovo State University (Kemerovo)

The article presents an analysis of modern students' self-presentation issues in virtual communication. The «Self-image» of students was studied using the following methods: a questionnaire survey, the questionnaire «Level of Subjective Control», the Twenty Statements Test «Who am I?» by M. Kuhn and T. McPartland, content analysis of the respondents' personal accounts on social media. The study has shown that in 100 % of cases modern students use social media for the purposes of virtual communication, receiving news, creative self-realization, and entertainment, while spending an average of 2–3 hours a day online. More than half of the respondents state their ability to realize their personal potential without the help of virtual space, indicating that the impact of social networks on their real life and behavior is minimal. The general internality indicator shows the predominance of respondents with an internal locus of control. The content analysis of the respondents' personal accounts in social networks was based on the study of conceptual components such as information about oneself, obscene language, writing style, nickname and avatar, conflicts and manifestations of aggression, additional accounts, subscriptions, posts, personal notes. The analysis of young people's self-representations identified the following conceptual blocks of statements that highlight the significant focuses of self-representations of the experiment participants: «The Social Self», «The Acting Self», «The Perspective Self», «The Reflective Self», «The Communicative Self», «The Physical Self», «The Material Self», «The Virtual Self», with «The Reflective Self» category dominating. Virtual space today is an environment of educational, professional, and communicative activities in which modern students are actively integrated, demonstrating a multifactorial «Self-image». The consideration of its nature and components determines the success of virtual interaction among all participants of the educational process.

Keywords: «Self-image», virtual identity, Internet space, virtual communication, students.

To cite:

Gorbatova M.M., Bilan M.A., Ermolaeva E.N. [«Self-image» of modern students in virtual communication]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 362–373 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-362-373>, EDN: SSCPHC

Введение

Массовое распространение сети Интернет практически во всех сферах жизни человека привело к трансформации общественных, производственных, досуговых сфер жизни человека, а значит, и его личностного развития. Основными видами деятельности пользователей интернета являются познавательная, игровая и коммуникативная [Войскунский А.Е., 2017; Рогова Е.Н., Яницкий Л.С., 2022]. При этом важнейшим явлением Интернет-пространства считается именно виртуальная коммуникация, которая является частичной составляющей и дру-

гих типов деятельности, а также считается необходимым компонентом для развития личности человека [Рыльская Е.А., Погорелов Д.Н., 2021]. Распространение виртуальной коммуникации привело к формированию нового типа личности человека — «виртуальной личности». При этом использование в процессе виртуальной коммуникации преимущественно символического языка, в свою очередь, привело к формированию и развитию у людей символического мышления [Войскунский А.Е., 2017; Курбатов В.И., 2014; Серый А.В., Яницкий М.С., 2022]. Взаимодействие в пространстве виртуальной коммуникации имеет целый

ряд специфических особенностей: анонимность, ограничение сенсорного опыта, размытость пространственно-временных границ и отсутствие внешнего социального контроля, что может являться ее преимуществом, но в то же время вызывает девиации в поведении, а в некоторых случаях говорят даже о возможности деформирования личности [Богданова В.О., Александрова Л.Д., 2019; Яницкий М.С., 2022].

Значимым преимуществом виртуальной коммуникации являются многочисленные ресурсы для самовыражения, а следовательно, возможность конструировать идентичность по своему собственному выбору [Гордеева А.В., Кононенко И.А., 2023; Новолодская Т.А., 2016; Расина Э.О., 2021]. Образ «Я-виртуальное» О.П. Цариценцева и Н.Н. Бутрова описывают как комплекс личных качеств личности, которые, по представлениям пользователей сети, они проявляют при виртуальной коммуникации [Цариценцева О.П., Бутрова Н.Н., 2014]. Следовательно, образ «Я-виртуальное» является представлением человека о самом себе как о пользователе Интернета в виртуальном пространстве. В исследованиях Ю.М. Кузнецовой и Н.В. Чудовой отмечается, что образ «Я-виртуальное» представляет собой самостоятельную единицу структуры «Я-концепции» личности, где она занимает промежуточное положение между образами «Я-реальное» и «Я-идеальное» [Зекерьяев Р.И., 2019]. А.Е. Войкунский предлагает разделять понятия «виртуальной» и «сетевой» идентичности. Понятие «виртуальная идентичность» используется исключительно в отношении онлайн-активности с применением технических систем виртуальной реальности, которые включают в себя шлемы и перчатки виртуальной реальности, стереонаушники и др. А понятию «сетевая идентичность» свойственны множественность и легкость своего видоизменения, обусловленные особенностями сетевого инструментария («никнейм», «аватар», личная страница пользователя и пр.) [Войкунский А.Е., 2017].

Таким образом, «Я-образ» — это представление человека о самом себе в рамках виртуального пространства, являющееся самостоятельной единицей структуры «Я-концепции», которое занимает промежуточное положение между образами «Я-реальное» и «Я-идеальное». Связано это с тем, что за счет со-

здания своей виртуальной идентичности человек получает возможность приблизиться к своему идеалу и реализовать его в виртуальной, а местами и в реальной жизни. Однако особенности виртуальных сетей, которые являются инструментами для создания и трансформирования собственной виртуальной идентичности, помимо явных преимуществ имеют и ряд недостатков, способных привести к негативным последствиям. Пагубные изменения затрагивают в том числе и нравственно-этическую составляющую личности, которая является как одной из основ формирования Я-концепции, так и показателем развитости и зрелости личности.

Вышесказанное определило актуальность настоящего исследования, целью которого явились изучение «Я-образа» в условиях виртуальной коммуникации и определение этических аспектов его представления у молодых людей 20–30 лет.

Для осуществления обозначенной цели решались задачи как анализа этических аспектов представления образа «Я» в виртуальной коммуникации, так и рассмотрение различий в нравственной сфере представления образа «Я-виртуальное» у молодых людей с различным типом локализации волевого усилия.

При моделировании исследования мы руководствовались предположением о том, что нравственно-этическая составляющая образа «Я-виртуальное» личности с преобладающим типом экстернального локуса контроля будет иметь различия с образом «Я-виртуальное» личности с интернальным локусом контроля.

Методы и материалы

Настоящее исследование проводилось с января по июнь 2022 г.; в нем приняли участие 43 студента Кемеровского государственного университета, из них — 28 студентов Социально-психологического института и 15 студентов Института биологии, экологии и природных ресурсов. Средний возраст респондентов составил 24 года.

В качестве диагностического материала испытуемым предъявлялись следующие методики:

- специально разработанная авторская анкета, направленная на изучение поведения современной молодежи в сети Интернет;
- анализ личных страниц пользователей в социальных сетях;

– методика «Нравственное самоопределение личности» А.Б. Купрейченко, А.Е. Воробьевой [Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е., 2013];

– опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткинда;

– методика «Личностный Семантический Дифференциал» Е.Ф. Бажина, А.М. Эткинда;

– тест «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда (модификация Т.В. Румянцевой).

Результаты

На первом этапе исследования нами был проведен анкетный опрос с целью отбора респондентов-участников эксперимента. Все респонденты (100 %) для общения в интернет-пространстве используют социальные сети. Далее студентам был задан вопрос, в какой социальной сети они зарегистрированы, при ответе на который респонденты могли выбрать более одного варианта. Ответы распределились следующим образом: «Вконтакте» — 88,1 %, «Одноклассники» — 26,19 %, Facebook — 16,67 %, Twitter — 28,57 %, Instagram (принадлежит корпорации «Meta», признанной в РФ экстремистской организацией) — 38,1 %, другая сеть — 26,19 %.

Затем был проведен анализ целей регистрации респондентов в социальных сетях. Здесь также респонденты могли выбрать более одного варианта ответа. Ответы распределились следующим образом: общение — 64,29 %, чтение новостей — 35,71 %, прослушивание музыки — 33,33 %, творческая самореализация — 19,05 %, просмотр фильмов, роликов — 16,67 %, поиск информации — 11,9 %, социальная активность — 9,52 %, другое — 7,14 %.

Далее респондентам был задан вопрос относительно того, сколько времени они проводят в социальных сетях. Отметим, что единого общепринятого оптимума относительно проведения времени в социальных сетях на сегодняшний день пока нет, и различные авторы приводят в своих работах собственное понимание нормы (Е.П. Белинская, С.В. Карпухин, Е.Л. Солдатова и др.), хотя наиболее распространенным вариантом для взрослых людей считается продолжительность от 4 до 5 часов [Белинская Е.П., Илюхина С.Н., 2018; Карпухин С.В., 2014; Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н., 2018]. Таким образом, все варианты ответов, охватывающие временной промежуток

до 5 часов, могут в некоторой степени считаться нормой. Наиболее распространенным вариантом ответа среди респондентов стал временной промежуток 2–3 часа (59,52 %): его выбрало более половины испытуемых. Следующим по популярности стал вариант 4–5 часов (30,95 %), и наименьшими по численности стали варианты 6–8 часов (7,14 %) и свыше 8 часов (2,38 %). Таким образом, самым распространенным вариантом ответа находится в пределах нормы. Лишь около 10% испытуемых проводят длительное количество времени в социальных сетях, что потенциально может способствовать искажению идентичности личности и приобретению интернет-зависимости.

Распределение результатов ответов на вопрос о способности успешной самореализации в жизни без помощи интернета выглядит следующим образом: 52,22 % респондентов считают, что вполне могли бы реализовать свой личностный потенциал без помощи виртуального пространства, в то время как 23,81 % респондентов считают виртуальное пространство если не определяющим, то определенно играющим роль в их успешной самореализации, а 21,43 % респондентов затруднились дать ответ на данный вопрос.

Подавляющее большинство участников эксперимента (83,33 %) не считают, что интернет является местом для вседозволенности, в то время как согласились с утверждением «Считаете ли Вы, что Интернет — это свободное пространство, в котором по своему усмотрению можно делать все, что пожелаешь?» около 17 % испытуемых. Ответы на вопрос о возможности использования ненормативной лексики в процессе общения или комментирования распределились следующим образом: 52,38 % респондентов дали утвердительный ответ относительно использования в виртуальном пространстве ненормативной лексики; 28,57 % респондентов ответили, что используют ненормативную лексику лишь иногда, и лишь 19,05 % ответили, что они стараются совсем не использовать ненормативную лексику.

Следующий вопрос имел своей целью изучение возможности проявления агрессии по отношению к другим пользователям в виртуальном пространстве. Ответы респондентов распределились следующим образом: 71,43 % ответили, что они стараются не проявлять агрес-

сии в своем поведении; 26,19 % респондентов в первую очередь будут оценивать ситуацию; 2,38 % ответили, что довольно часто проявляют агрессию по отношению к другим интернет-пользователям.

Следующий вопрос был задан для изучения мнения респондентов о влиянии социальных сетей на их поведение в реальной жизни. Ответы распределились следующим образом: 54,76 % респондентов считают, что социальные сети не могут влиять на их собственное поведение в реальной жизни, в то время как около 38% были согласны с тем, что социальные сети могут оказывать влияние на их офлайн-жизнь, а 7,14 % респондентов не смогли дать точного ответа на данный вопрос.

Далее нами были обработаны результаты, полученные по методике «Уровень субъективного контроля» (УСК). По результатам данной методики установлено, что по показателю общей интернальности наблюдается преобладание респондентов с интернальным локусом контроля (68 %, средний балл 5,7), в то время как экстерналы остаются в меньшинстве (32 %, средний балл 3,6). По результатам показателя интернальности достижений наблюдается преобладание респондентов с интернальным локусом контроля (79 %, средний балл 7,2), в то время как по результатам показателя интернальности неудач преобладают респонденты с экстернальным локусом контроля (65 %, средний балл 2,8). Это означает, что респонденты более склонны приписывать результаты своих достижений самим себе, своим силам и возможностям, в то время как неудачи респонденты предпочитают списывать на внешние условия. Подобные результаты можно связать с работой механизмов психологической защиты. Чтобы минимизировать негативные переживания от неудачи и не понижать собственную самооценку, человеку легче представить, что его неудачи обусловлены внешними обстоятельствами, над которыми у человека нет контроля. А уверенность в том, что именно результаты собственных усилий привели к успеху, наоборот, способствует повышению самооценки человека.

Можно заметить, что по показателю интернальности здоровья подавляющее большинство составляют респонденты с интернальным локусом контроля (95 %, средний балл 6,4), что говорит о том, что они считают себя во многом

ответственными за свое здоровье, и уверены, что их здоровье во многом зависит от их собственных действий и усилий.

Также, согласно результатам, полученным по шкалам интернальности семейных и межличностных отношений, у большинства респондентов был выявлен интернальный локус контроля (72 % по Ис, средний балл 5,9, и 65 % по Им, средний балл 6,4), что означает, что респонденты считают себя ответственными за события, происходящие в их семейной жизни, а также за построение межличностных отношений с окружающими. Объяснить полученные, преимущественно высокие результаты по данным шкалам можно тем, что выстраивание близких отношений и создание собственной семьи является одной из главных задач периода ранней взрослости, в связи с чем респонденты больше осознают свою ответственность за данную сферу своей жизни.

А результаты, полученные по показателям шкалы интернальности в области производственных отношений, показывают преобладание респондентов, обладающих экстернальным локусом контроля (53%, средний балл 6,3). Данные результаты можно связать с тем, что на период ранней взрослости приходится начало вступления в производственные отношения путем получения первого опыта работы. А поскольку на ранних порах происходит активная производственная адаптация, большинству молодых людей приходится полагаться в большей степени на внешние обстоятельства, чем на собственный профессионализм.

Сравнение средних значений по показателям методики «Нравственное самоопределение личности» и показателю общего уровня субъективного контроля испытуемых показало, что статистически значимые различия в значениях были обнаружены относительно показателей «представление о нравственности как о силе или слабости личности» (значение t-критерия составило 24,79 при $p \leq 0,001$) и «обязательность соблюдения нравственных норм» (значение t-критерия составило 30,36 при $p \leq 0,001$). Это говорит нам о том, что испытуемые с преобладающим экстернальным уровнем субъективного контроля воспринимают проявление нравственного поведения как показатель проявления силы личности, в то время как личностная слабость, по их мнению, приводит к

несоблюдению нравственных норм. Также экстерналы признают для себя обязательность соблюдения нравственных норм. Результаты корреляционного анализа относительно показателей уровня интернальности в различных жизненных сферах личности показал наличие статистически значимых корреляционных связей по показателю «представление о нравственности как о силе или слабости личности» с показателями общей интернальности (-0,47 при $p \geq 0,05$), интернальности в области неудач (-0,43 при $p \geq 0,05$) и интернальности в области производственных отношений (-0,40 при $p \geq 0,05$). Все обозначенные связи являются отрицательными, а значит, понижение значений по данным уровням (что соответствует экстеральному полюсу) будет способствовать увеличению в уровне представлений о нравственности как о силе личности, и наоборот, увеличе-

ние значений по уровням интернальности (соответствующее интернальности) будет приводить к понижению значимости нравственности как личностной силы.

Также значимые корреляции были обнаружены по показателю «обязательность соблюдения нравственных норм» с показателями общей интернальности» (-0,61 при $p \geq 0,05$) и интернальности в области неудач (-0,38 при $p \geq 0,05$). И в данном случае понижение уровня интернальности соответствует повышению представлений об обязательности соблюдения нравственных норм. Данные результаты сходятся с рассмотренными ранее результатами по сравнению средних значений испытуемых из групп с выраженными экстернальным и интернальным локусами контроля, где экстерналы также обладали более высокими значениями по данному показателю.

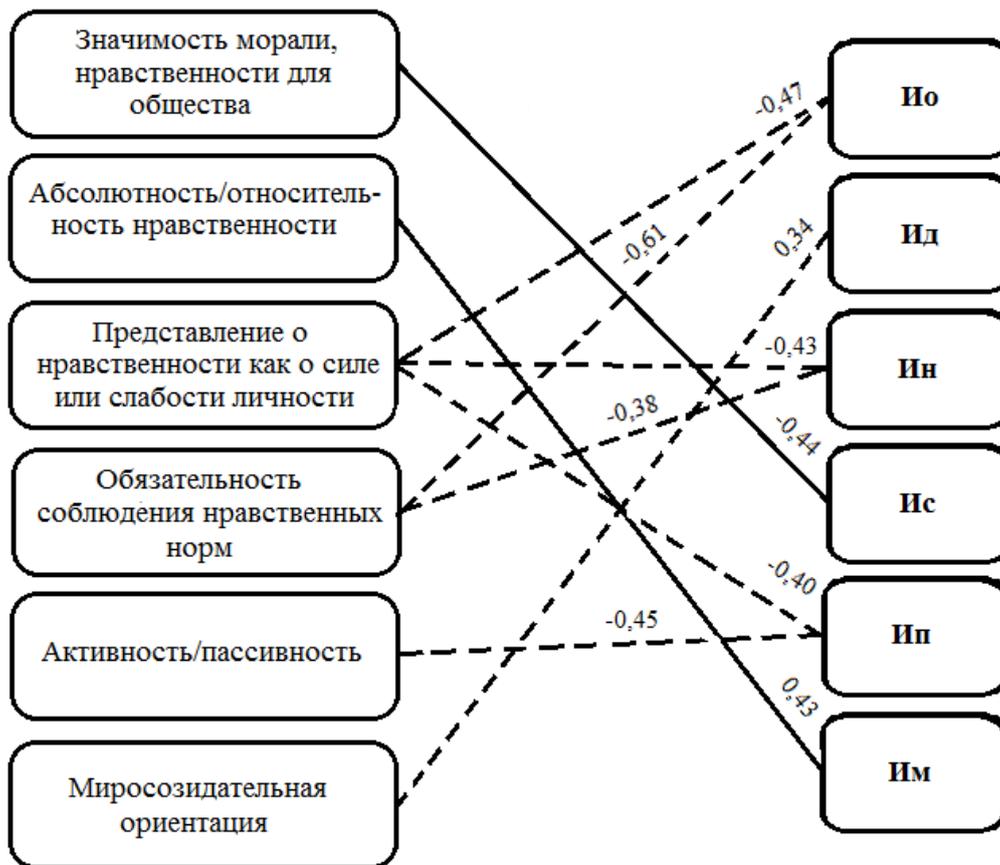

Рис. 1. Корреляционные взаимосвязи показателей по результатам методик «Представления о нравственности и морали» и «Исследование уровня субъективного контроля»

Fig. 1 Correlation of indicators resulted from «Understanding of virtue and morality» and «Research of subject control level» methods

На следующем этапе исследования нами был проведен контент-анализ личных страниц респондентов в социальных сетях. Для анализа были выделены следующие смысловые единицы изучаемого содержания: информация о себе, нецензурная лексика, стиль письма, никнейм и аватар, конфликты и проявления агрессии, дополнительные аккаунты, подписки, посты, личные записи.

При анализе личной информации пользователей нами рассматривался критерий развернутости и полноты имеющейся информации. Развернутая информация о себе предполагала наличие автобиографических данных, описания времяпрепровождения и важных событий из жизни, наличие фотоальбома. Результаты показали, что большинство респондентов (42,86 %) разместили на своих страницах достаточно подробную информацию о себе (из них 26 % — интерналы; 14 % — экстерналы). При этом 31 % пользователей (19 % — интерналы; 12 % — экстерналы) ограничились краткой информацией о себе на своих страницах (в основном касающейся их пола, даты рождения и иногда места жительства). Можно сказать, что они более четко ограничивают рамки своей открытости. И только 19,05 % не имели на своих страницах фактически никакой информации о себе (14 % — интерналы; 5 % — экстерналы). Ни у кого из респондентов не наблюдалось информации о точном месте жительства, номере телефона и другой конфиденциальной информации, которую можно было бы использовать в корыстных целях.

Анализ никнеймов и аватаров предполагал определение их соответствия реальным имени пользователя и его фото. Согласно анализу, подавляющее большинство респондентов (83,33 %) основывают свои никнеймы на своих реальных имени и фамилии (53 % — интерналы; 28 % — экстерналы), в то время как реальные фото для своих аватаров выбирают 38,1 % пользователей (30 % — интерналы; 7 % — экстерналы). Всего 9,52 % студентов не использовали для создания своего профиля ни своего настоящего имени, ни реальных фото (7 % — интерналы; 2 % — экстерналы).

Анализ подписок и постов пользователей предполагал выявление среди них тем демонстрации пагубных привязанностей (к алкоголю, курению), разжигания конфликтов, ущемления личных прав людей (оскорбления определенных людей/групп людей, «слив» личной ин-

формации и пр.) и т.д. Согласно полученным результатам анализа, никто из пользователей не размещает на своих страницах материалы ненормативного содержания и не подписан на людей или группы, занимающиеся подобной деятельностью. 83,33% респондентов не участвуют в конфликтах и стараются не проявлять агрессии к другим пользователям (53 % — интерналы; 28 % — экстерналы), что в целом коррелирует с результатами, полученными при анализе анкеты. В то же время 9,53 % респондентов периодически или изредка участвуют в конфликтах, но не стремятся провоцировать их сами (2 % — интерналы; 5 % — экстерналы), а 7,14 % респондентов были участниками конфликтов и сами инициировали их.

При анализе критерия «нецензурная лексика» определялось наличие нецензурных лексических единиц в содержании личной информации, постах, комментариях. Ровно половина респондентов использует ненормативную лексику при онлайн-общении (33 % — интерналы; 16 % — экстерналы), а 42,86 % респондентов стараются не прибегать к ненормативной лексике или используют ее единично в зависимости от сложившейся ситуации (28 % — интерналы; 14 % — экстерналы). Данные результаты соотносятся с результатами анкеты относительно использования ненормативной лексики в процессе общения или комментирования.

Также следует заметить, что некоторые респонденты (9,52 %) отказывались предоставлять для анализа свои личные страницы или же скрывали личные данные (7 % — интерналы; 2 % — экстерналы).

Для изучения представлений молодежи о себе и их самооотношения нами использовался тест «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда. По результатам данной методики обнаружено, что у 44,2 % респондентов уровень самооценки неадекватно завышенный, у 30,2 % — адекватная самооценка, 25,6 % — неустойчивый уровень самооценки. Полученные данные были сгруппированы по блокам: «социальное Я» (в данный блок вошли высказывания о семье, этнической идентичности, учебно-профессиональной позиции, групповой принадлежности, мировоззренческой идентичности); «деятельное Я» (высказывания о самооценке способности к деятельности, навыков, умений, знаний, компетенции, достижений); «перспективное Я» (высказыва-

ния о профессиональной перспективе, семейной перспективе, оценка личных стремлений); «рефлексивное Я» (высказывания о персональной идентичности; глобальное, экзистенциальное «Я»); «коммуникативное Я» (высказывания о дружбе или круге друзей, восприятии себя членом группы друзей, общении или субъекте общения, особенностях и оценке взаимодействия с людьми); «физическое Я» (субъективное описание своих физических данных, пристрастий в еде, вредных привычек); «материальное Я» (отношение к внешней среде); «виртуальное Я» (представления о своей роли в социальных сетях: «геймер», «блогер», «не разбираюсь в компьютерах», «пользователь», «потребитель интернет-контента», «интернет-пользователь»).

Наиболее распространенной является категория «рефлексивное Я». При описании данной категории ответы распределились следующим образом: персональная идентичность (45,56 %), экзистенциальное «Я» (8,39 %), мировоззренческая идентичность (0,48 %). Вторую позицию при описании занимает «социальное Я»: семейная принадлежность (10,31 %), учебно-профессиональная позиция (5,28 %), деятельность, интересы, увлечения (5,28 %), этниче-

ско-региональная идентичность (3,12 %). Остальные категории представлены в следующем соотношении: «деятельное Я» — 3,6 %; «физическое Я» — прямое обозначение пола (3,36 %), субъективное описание своих физических данных (1,44 %), пристрастия в еде, вредные привычки (0,96 %); «коммуникативное Я» — общение, особенности и оценка взаимодействия с людьми (2,16 %), дружба или круг друзей, восприятие себя членом группы друзей (1,92 %); «перспективное Я» — профессиональная перспектива (1,2 %), семейная перспектива (0,48 %). Категория «виртуальное Я» составляет 1,44 %. Включенные в данную категорию ответы также могут быть отнесены к показателям «групповая принадлежность», «занятия, деятельность, интересы, увлечения» и «самооценка способности к деятельности, самооценка навыков, умений, знаний, компетенции, достижений». Всего получилось 20 видов тем. Дополнительно для данного исследования нами также были выделены еще два дополнительных фактора: «Виртуальное Я» (геймер; блогер; не разбираюсь в компьютерах; пользователь; потребительница интернет-контента; интернет-пользователь) и **нравственные характеристики личности.**

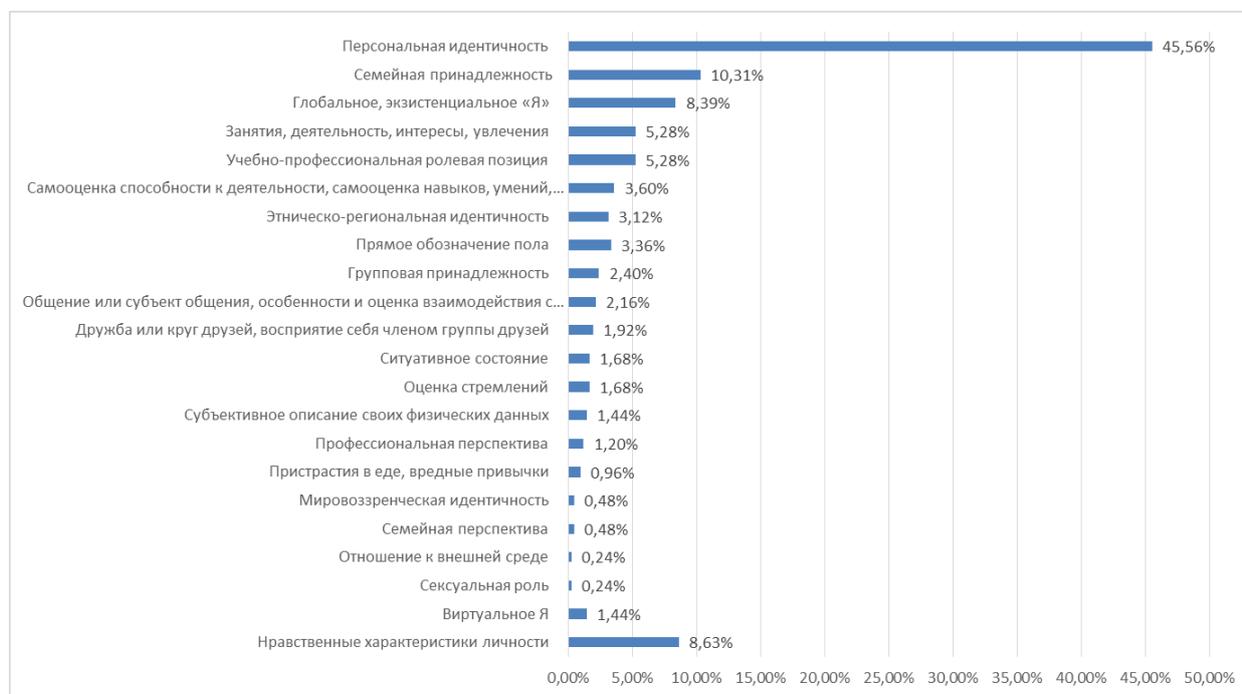

Рис. 2. Результаты процентного распределения ответов по отдельным показателям теста «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда

Fig. 2. Percentage distribution of the answers by the indicators of M. Kuhn and T. McPartland's test «Who am I?»

Категория «Виртуальное Я» составляет 1,44 % (7 высказываний) и получила смешанные оценки 3 (?), 2 (+/-) и 2 (+) имеющие, однако, положительную направленность. Категория «нравственные характеристики личности» составляет 8,63 % (36 высказываний) и получила в своем большинстве положительные оценки 7 (?), 1 (-) и 28 (+). Таким образом, можно сказать, что показатель «Я-виртуальное» занимает относительно небольшое значение в системе представлений испытуемых о самом себе и обладает смешанными результатами, в то время как показатель «нравственные характеристики личности» занимает лидирующие позиции (находится на третьем месте согласно процентному анализу результатов) и оценивается преимущественно положительно, что является весьма положительной тенденцией.

Заключение

Согласно результатам анкетного опроса, все 100 % опрошенных нами молодых людей используют для общения в сети социальные сети, причем около 64 % респондентов в качестве цели использования социальных сетей выбирают именно общение.

Более половины опрошенных (52,22 %) посчитали, что реализовать свой личностный потенциал возможно и без помощи виртуального пространства, и что социальные сети не могут оказывать влияние на их поведение в реальной жизни (54,76 %).

Анализ полученных по анкете ответов и соотнесение их с результатами анализа личных страниц пользователей показало, что около половины молодых людей (52,38 %), дав утвердительный ответ относительно того, используют ли они в ходе сетевого общения ненормативную лексику, действительно применяют ее при онлайн-общении, комментировании и создании постов (ровно 50 %). Также информация о том, что 71,43 % респондентов стараются не проявлять агрессии в своем поведении, соответствует тому, что 83,33 % молодых людей стараются не участвовать в конфликтах и не проявлять излишней агрессии к другим пользователям. А это означает, что пользователи вполне трезво представляют и оценивают свое реальное поведение в сети Интернет. Хотя и следует отметить, что относительно грамотности письма

83,33 % пользователей дало положительный ответ на вопрос, пытаются ли они писать грамматически правильно и следить за своим письмом, однако на деле оказалось, что разного рода ошибки присутствовали в письме около 47,62 % пользователей.

Показательным может считаться тот факт, что подавляющее большинство опрошенных (83,33 %) не посчитали интернет местом для вседозволенности и в итоге никто из пользователей не размещает на своих личных страницах материалы ненормативного содержания и не подписан на людей или группы, занимающиеся подобной деятельностью.

При соотнесении между собой групп с преобладанием интернального и экстернального контроля были обнаружены статистически значимые различия в значениях относительно показателей «представление о нравственности как о силе или слабости личности» и «обязательность соблюдения нравственных норм». А значит, можно сказать, что экстерналы воспринимают проявление нравственного поведения как показатель проявления силы личности и признают для себя обязательность соблюдения нравственных норм.

Корреляционный анализ результатов УСК с уровнем представлений о нравственности и морали показал наличие статистически значимых корреляционных связей по показателям «представление о нравственности как о силе или слабости личности» с показателями общей интернальности, интернальности в области неудач и интернальности в области производственных отношений, «обязательность соблюдения нравственных норм» с показателями общей интернальности и интернальности в области неудач, а также интернальности в области семейных отношений и показателем значимости морали, нравственности для общества, интернальности в области производственных отношений и показателя активности/пассивности. Все обозначенные связи являются отрицательными, а значит, понижение значений по показателю уровня волевого контроля (что соответствует экстернальности) будет способствовать росту представлений о нравственности и морали и наоборот. Также были обнаружены и положительные корреляционные связи интернальности в области достижений с показателем миротворительной

ориентации и интернальности в области межличностных отношений с показателем абсолютности/относительности нравственности, что означает, что рост уровня волевого контроля будет способствовать и росту по выделенным показателям.

В современных условиях массового внедрения и быстрого развития виртуального взаимодействия учет полученных в результате проведенного исследования данных может качественно изменить эффективность виртуальной коммуникации, поскольку понимание природы такой формы взаимодействия и стоящих за ней причин и факторов способно не только предопределять успешность коммуникативного процесса, но и способствовать предотвращению коммуникативных неудач и конфликтов, что, в свою очередь, положительно влияет на формирование «Я-образа» студенческой молодежи.

Конфликт интересов

Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interest

The authors declared no potential conflicts of interest regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Белинская Е.П., Илюхина С.Н. Особенности протекания конфликта в виртуальной коммуникации // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 1(11). С. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-1-65-76>

Богданова В.О., Александрова Л.Д. Игры с идентичностью в мире сетевых коммуникаций // Социум и власть. 2019. № 6(80). С. 39–45. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2019-6-39-45>

Войсунский А.Е. Направления исследований опосредованной Интернетом деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 1. С. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2017.01.52>

Гордеева А.В., Кононенко И.А. Представления о виртуальном общении и их взаимосвязь с личностными особенностями пользователей // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 11–31. DOI: <https://doi.org/10.11621/lpj-23-25>

Зекерьяев Р.И. Психологические особенности компонента «Я-виртуальное» в структуре образа «Я» подростков в социальных сетях // Проблемы современного педагогического образования. 2019. Вып. 62, ч. 3. С. 275–278.

Карпухин С.В. Личность и виртуальное пространство: проблемы социализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 2(68). С. 78–84.

Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е. Нравственное самоопределение молодежи. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. 480 с.

Курбатов В.И. Виртуальная коммуникация, виртуальный язык и виртуальное мышление // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 42–47.

Новолодская Т.А. Социальные коммуникации в контексте виртуальной реальности // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 11. С. 6–13.

Расина Э.О. Место виртуального образа личности в перцептивных процессах социального взаимодействия в виртуальном пространстве // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. Т. 7, № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-9>

Рогова Е.Н., Яницкий Л.С. Идентификация студенческой молодежи в социальных сетях // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 1(45). С. 161–168. DOI: https://doi.org/10.54509/22203036_2022_1_161

Рыльская Е.А., Погорелов Д.Н. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 1(118). С. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.20323/1813-145x-2021-1-118-105-114>

Серый А.В., Яницкий М.С. Когнитивные репрезентации образа-Я студентов-пользователей интернет в условиях противопандемических ограничений // Самореализация личности в эпоху цифровизации: глобальные вызовы и возможности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29–30 марта 2022 г.) / отв. ред. С.С. Кудинов. Российский университет дружбы народов. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 129–133.

Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>

Цариценцева О.П., Бутрова Н.Н. Содержание образа «Я-виртуальное» пользователей Интернет

(на примере юношеского возраста) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 12. С. 76–80.

Яницкий М.С. Поведение учащейся молодежи в цифровой среде: к проблеме формирования информационной культуры и системы ценностно-смысловой регуляции // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 4(20). С. 90–97.

References

Belinskaya, E.P. and Ilukhina, S.N. (2018). [Specific characteristics of conflicts in virtual communication]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education]. No. 1(11), pp. 65–76. DOI <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-1-65-76>

Bogdanova, V.O. and Aleksandrova, L.D. (2019). [Identity games in the world of network communications]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. No. 6(80), pp. 39–45. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2019-6-39-45>

Gordeeva, A.V. and Kononenko, I.A. (2023). [Structure of virtual communication in the interrelation with personal characteristics of users]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Lomonov Psychology Journal]. Vol. 46, no. 3, pp. 11–31. DOI: <https://doi.org/10.11621/lpj-23-25>

Karpukhin, S.V. (2014) [Personality and virtual space: problems of socialization]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura* [Ethnosocium and Interethnic Culture]. No. 2(68), pp. 78–84.

Kupreychenko, A.B. and Vorob'eva, A.E. (2013). *Nravstvennoe samoopredelenie molodezhi* [Youth's moral self-determination]. Moscow: IP RAS Publ., 480 p.

Kurbatov, V.I. (2014). [Virtual communication, virtual language and virtual thinking]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 11, pp. 42–47.

Novolodskaya, T.A. (2016). [Social communication in the context of virtual reality]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya* [Scientific Review: Humanities Studies]. No. 11, pp. 6–13.

Rasina, E.O. (2021). [The place of the virtual image of the individual in the perceptual processes of social interaction in virtual space]. *Nauchnyy rezultat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* [Research Result. Pedagogy and Psychology of Education]. Vol. 7, no. 2, pp. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-9>

Rogova, E.N. and Yanitskiy, L.S. (2022). [Identification of student youth in social media]. *Profes-*

sional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional Education in Russia and Abroad]. No. 1(45), pp. 161–168. DOI:

https://doi.org/10.54509/22203036_2022_1_161

Ryl'skaya, E.A. and Pogorelov, D.N. (2021). [Personal identity in the virtual space of social networks and real identity: comparative characteristics]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 1(118), pp. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.20323/1813-145x-2021-1-118-105-114>

Seryy, A.V. and Yanitskiy, M.S. (2022). [Cognitive representations of the self-image in students of internet users during the restrictions of the pandemic]. *Samorealizatsiya lichnosti v epokhu tsifrovizatsii: global'nye vyzovy i vozmozhnosti. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 29–30 marta 2022 g.)* [Personal Self-Realization in the Era of Digitalization: Global Challenges and Pportunities: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, March 29–30, 2022)]. Moscow: RUDN Publ., pp. 129–133.

Soldatova, E.L. and Pogorelov, D.N. (2018). [The phenomenon of virtual identity: the contemporary condition of the problem]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal]. Vol. 20, no. 5, pp. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>

Tsaritsentseva, O.P. and Butrova, N.N. (2014). [The content of the «I am virtual» image of Internet users (using the example of adolescence)]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal. Kontsept* [Scientific and Methodological Electronic Journal «Koncept»]. No. 12, pp. 76–80.

Voiskunskiy, A.E. (2017). [Directions of studies of Internet mediation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 1, pp. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2017.01.52>

Yanitskiy, M.S. (2022). [Behavior of students in the digital environment: on the problem of the formation of information culture and the system of value-semantic regulation]. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk* [Theory and Practice of Social Humanities]. No. 4(20), pp. 90–97.

Zeker'yaev, R.I. (2019). [Psychological peculiarities of «I-virtual» component in the structure of «self-image» of teenagers in social networks]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. Iss. 62, part 3, pp. 275–278.

Об авторах

Горбатова Марианна Михайловна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологических наук

Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6;
e-mail: marianna77715@gmail.com
ResearcherID: AGJ-4669-2022

Билан Марина Анатольевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологических наук

Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6;
e-mail: lma_05-80@mail.ru
ResearcherID: AAE-7278-2019

Ермолаева Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романо-германской филологии

Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6;
e-mail: enermolaeva@yandex.ru
ResearcherID: LJL-3543-2024

About the authors

Marianna M. Gorbatova

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Psychological Sciences

Kemerovo State University,
6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia;
e-mail: marianna77715@gmail.com
ResearcherID: AGJ-4669-2022

Marina A. Bilan

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Psychological Sciences

Kemerovo State University,
6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia;
e-mail: lma_05-80@mail.ru
ResearcherID: AAE-7278-2019

Elena N. Ermolaeva

Candidate of Philology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Romance and Germanic Philology

Kemerovo State University,
6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia;
e-mail: enermolaeva@yandex.ru
ResearcherID: LJL-3543-2024